

**ИНСТИТУТ КОМПЛЕКСНЫХ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

***О НЕКОТОРЫХ ТРЕНДАХ
РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ***

***По мотивам выступлений
в рамках ВЭФ***

январь 2024 г.

Основные выводы

Всемирный экономический форум в 2024 году, в отличие от форумов прошлых лет, был в значительной степени ориентирован на геополитику, которой оказались подчинены в том числе и обсуждаемые вопросы социально-экономического развития. В силу этого дискуссии на форуме в большей степени были ориентированы на обсуждение текущих трендов, чем на видение будущего с позиции бизнеса.

Очевидным трендом в развитии мировой экономики, основанным на геополитических процессах, является изменение формата глобализации в сторону глобализации через регионализацию (фрагментация, полиглобализация) – появление соперничающих друг с другом блоков стран, приводящее к замедлению развития международной торговли и инвестиций. Фактор снижения издержек больше не является приоритетным при выборе мест для размещения производства, и многие страны возвращают производство на свою территорию. Международные производственные цепочки подвергаются трансформации, ориентированной прежде всего на обеспечение экономической безопасности через снижение зависимости от импорта из «недружественных» блоков стран. Это накладывает серьезный отпечаток на инвестиционные и инфраструктурные потребности бизнеса, на подходы к оценке инвестиционных проектов, на себестоимость производства и т.д.

Сдвиги происходят и в отношении регулирования экономики, как на национальном, так и наднациональном уровне.

Во-первых, реструктуризация производственных цепочек с повышением издержек производства, в том числе на труд, ставит монетарные власти ведущих экономик перед выбором целей денежно-кредитной политики: пересмотреть установленные ориентиры по инфляции в сторону повышения, либо смириться с тем, что в условиях высоких ставок темпы роста экономики будут существенно снижены.

Во-вторых, контроль за соблюдением санкционных ограничений и задачи обеспечения экономической безопасности приводят к расширению государственного вмешательства в экономику. Это относится в первую очередь к промышленной политике, инструменты которой снова становятся популярными, а также к элементам стратегического планирования развития экономики. При этом возможности фискального стимулирования экономики во многих странах остаются ограниченными в связи с высокими ставками и высоким уровнем госдолга. Все это приводит к существенному возрастанию рисков бюрократизации экономической политики, сдерживающей расширение инвестиций, а также снижения экономической эффективности производств в условиях искусственного ограничения конкуренции.

На наднациональном уровне все более четким становится запрос на пересмотр международных институтов и международных правил регулирования, в том числе в части трансграничных платежей. Прежде всего, запрос на такие изменения возникает со стороны стран Африки и других стран «глобального Юга». Реформы международных институтов и выработка новых правил, закрепляющих формирование «нового миропорядка», могут существенно повлиять на возможности решения глобальных задач, таких как предотвращение изменения климата, распространение передовых технологий, преодоление неравенства и др.

Для России эти тренды создают новые вызовы. Для многих товаров (кроме ресурсов) практически единственным направлением экспорта остается Китай. При этом форсированный энергопереход, а также переход промышленности на новые материалы указывает, что потребности других стран в российском сырье будут все более ограничиваться. В этой связи важнейшую роль для России играет развитие переработки сырья внутри страны и экспорт переработанной продукции на доступные внешние рынки, а также развитие инфраструктуры, дающей возможности развития переработки сырья и обеспечения ритмичных поставок продукции внутри страны и на экспорт.

Наряду с этим, в сложившейся ситуации для России крайне важно понимать, что происходит не завершение глобализации мировой экономики, а смена ее модели. Политические разногласия и фрагментация экономики не отменяют необходимости решения важнейших общемировых задач, таких как предотвращение изменения климата, ускоренное развитие новых технологий (искусственный интеллект, цифровые валюты и др.), подготовке системы здравоохранения к возможным эпидемиологическим вызовам (болезнь X). Изоляция России в части ответов на эти глобальные вызовы опасна прежде всего долгосрочными последствиями в виде нарастающего отставания в развитии. Необходимо также стимулирование развития и распространения передовых технологий в производстве, финансах, управлении и др., обеспечивающее поддержание российской экономики на конкурентоспособном уровне, а также вносящее вклад в решение общемировых задач. При этом со стороны государства в России, в отличие от многих зарубежных стран, сохраняются значительные возможности предоставления таких стимулов, как с помощью фискальной, так и денежно-кредитной политики.

Комментарии по отдельным трендам развития мировой экономики

- 1. Происходит смена парадигмы развития экономики, сформированной в послевоенное время и особенно – в последние десятилетия. Несмотря на то, что многие вопросы будут и дальше иметь глобальный характер, способы их решения будут меняться, а темпы роста мировой экономики – замедляться.*
- 2. Установки денежно-кредитной политики, сформированные и сформулированные в предыдущие десятилетия (период Great Moderation) могут оказаться неустойчивыми в ближайшем будущем. Придется либо дополнительно жертвовать ростом экономики ради инфляции, либо пересматривать ориентиры ДКП.*
- 3. Регулирование на национальном уровне все больше приобретают экстерриториальный характер*
- 4. Быстрое развитие технологий и одновременный рост экономической и геополитической напряженности все больше ведут к регуляторному тупику в глобальном масштабе*
- 5. Бесконтрольное расширение санкций только ускоряет распад существующего мирового порядка*
- 6. Существенная эскалация напряженности между США и Китаем вызывает большие сомнения*
- 7. Международные компании будут перестраивать свои производственные цепочки, прежде всего по соображениям экономической безопасности и стабильности поставок, что приведет к росту издержек производства, увеличению потребностей в инвестировании и смене бизнес-моделей*
- 8. В ведущих экономиках происходит «возрождение» промышленной политики, однако в условиях гонки в введении таких мер это приводит к возрастанию издержек для всех. Растет интерес к планированию развития ключевых отраслей экономики, что порождает риски бюрократизации экономической политики и избыточного расширения государственного вмешательства в экономику.*
- 9. Несмотря на усиление «гонки» в области искусственного интеллекта (ИИ), нет четкого понимания его перспектив, последствий его внедрения, а также ясности в вопросах регулирования*
- 10. Продолжающийся энергопереход и усилия по предотвращению изменения климата приведут к росту спроса на «чистые» и переработанные материалы, повышению цен во всем мире, а также расширению потребностей в низкоуглеродной энергии и притоку инвестиций в «чистую» энергию в странах «глобального Юга»*
- 11. Несмотря на цифровизацию, повышение автоматизации и развитие технологий ИИ, ситуация на рынке труда становится все более острой в глобальном масштабе, и способность решать эту проблему будет иметь принципиальное значение для возможностей развития экономики*
- 12. Актуальным становится вопрос о подготовке на страновом и глобальном уровне к возможной следующей пандемии («болезнь X»), которая может оказаться еще более смертоносной, чем COVID-19.*

1. Происходит смена парадигмы развития экономики, сформированной в послевоенное время и особенно – в последние десятилетия. Несмотря на то, что многие вопросы будут и дальше иметь глобальный характер, способы их решения будут меняться, а темпы роста мировой экономики – замедляться.

Смена парадигмы касается основ прежнего мироустройства: относительно стабильного и устойчивого экономического роста, снижения стоимости финансирования и повышения стоимости рискованных активов. Среди причин, обусловивших эту смену – длительное отсутствие мощных шоков, гиперглобализация, либерализация финансового рынка, развитие инноваций, изменение структуры экономики в пользу сектора услуг и др.

Новая реальность предполагает, с одной стороны, растущие темпы технологических изменений (пример – искусственный интеллект), а с другой стороны – изменение структуры мировой экономики, способствующие снижению темпов ее роста.

- Переход от к новой модели глобализации – к глобализации через регионализацию (на фоне процессов фрагментации), что будет способствовать усилению использования экономических мер борьбы одних стран/блоков с другими и, соответственно, замедлению развития международной торговли и инвестиций

В экспертном сообществе фактически сложился консенсус по поводу неизбежности фрагментации мировой экономики. Страны ставят национальную безопасность и устойчивость выше экономической эффективности, а традиционные методы сотрудничества терпят крах. Опрос 30 главных экономистов, проведенный Всемирным экономическим форумом, показал, что почти 70% полагают, что в этом году темпы геоэкономической фрагментации ускорятся. В этих условиях большинство экспертов для построения прогнозов обращаются к опыту Холодной войны, хотя и признают, что мировая экономика существенно изменилась с тех пор – выросла роль развивающихся стран и уровень интеграции между странами, что делает ситуацию более сложной для анализа.

- Возвращение производственной базы в развитые страны на фоне возрождения промышленной политики
- Исчерпание возможностей старой системы международных институтов и правил в результате потери доверия к ним при одновременном расширении регулирования по разным направлениям

Осознанная необходимость со стороны «глобального Юга» в пересмотре действующих международных правил (например, в торговле). Многие правила, разрабатываемые на Севере, на Юге получают негативную оценку, так как служат лишь обеспечению интересов Севера без учета интересов Юга (те же разрабатываемые правила торговли выбросами воспринимаются как попытка ограничения доступа на рынок). Новые цели типа климатических отчасти решаются за счет сдерживания развития менее развитых стран.

- Растущее неравенство, как между странами, так и внутри стран

Развитие искусственного интеллекта при этом может только ускорить рост неравенства

- Повышение премии за риск, особенно для международных инвестиций
- Все большее включение в систему оценки инвестпроектов и стоимости активов иных, нефинансовых факторов (геополитические факторы, экологические, климатические и социальные факторы, обеспечение разнообразия)

В новых условиях развитие на территории своей страны только отдельных звеньев цепочек создания стоимости, что было целесообразным при полноценном включении в глобальную экономику, теперь становится более рискованным. Для обеспечения экономической безопасности становится важным развивать в своей стране не только передовые технологии, но и производство в традиционных отраслях, в том числе и в военной промышленности. В этих условиях для развивающихся стран усиливается проблема дефицита капитала.

Для обеспечения эффективности функционирования экономик в новых реалиях, в том числе экономики России, возникают объективные предпосылки для реализации мер по следующим направлениям:

- Развитие внутреннего финансового рынка и обеспечение взаимосвязанности/интеграции внутреннего рынка с рынками стран-партнеров для расширения доступа к капиталу и снижению зависимости от других стран
- Ослабление или как минимум сдерживание ужесточения внутреннего регулирования / административного давления, дебюрократизация с целью ускорения реализации инвестиционных проектов и развития инноваций
- Стимулирование роста доходов наиболее бедных слоев населения для расширения объема потребительского рынка внутри стран и повышения запроса на инновации

2. Установки денежно-кредитной политики, сформированные и сформулированные в предыдущие десятилетия (период Great Moderation) могут оказаться неустойчивыми в ближайшем будущем. Придется либо дополнительно жертвовать ростом экономики ради инфляции, либо пересматривать ориентиры ДКП.

Произошедший переход к инфляционному таргетированию и установлению низких целей по инфляции (около 2% в развитых странах) произошел на фоне масштабной и долгосрочной глобализации и либерализации. Это снижало стоимость рабочей силы (за счет миграции и производства, и непосредственно трудовых ресурсов), стоимость логистики и издержки на выполнение регуляторных норм. При этом отсутствие масштабных конфликтов обеспечивало снижение премии за риск. Дополнительно снижению издержек в значительной мере способствовало технологическое развитие в самых разных сферах.

Сейчас один из ключевых мировых трендов – геополитическая фрагментация и увеличение числа конфликтов, экономических и военных. Это способствует и росту стоимости перевозок, и повышению издержек на регулирование. Дополнительные издержки создает «зеленый» переход. Острая напряженность возникает и на рынке труда, связанная со множеством причин – от расширения ограничений на миграцию до изменения социальных

ориентиров у молодежи. При этом автоматизация и искусственный интеллект не могут в полной мере компенсировать наблюдаемый рост издержек. Автоматизация в развитых странах и так уже достигла довольно высокого уровня, а искусственный интеллект не заменяет рабочих кадров. В такой ситуации крайне трудно устойчиво поддерживать более или менее высокие темпы роста заработной платы и при этом иметь исключительно низкую цель по инфляции (около 2%).

В России установлен также довольно жесткий целевой ориентир по инфляции – 4%, в отношении которого нет всеобщего согласия, в том числе в научной среде. С одной стороны, он более или менее соответствует международной практике режима таргетирования инфляции (хотя в отдельных странах устанавливаются и более гибкие цели), с другой – есть литература, показывающая, что установление излишне жестких целей по инфляции может слишком дорого обходиться развивающимся странам в терминах экономического роста, и для наиболее динамичного экономического развития цель по инфляции должна быть более мягкой (есть различные оценки, в том числе предполагающие, что достаточно цели по инфляции «в одну цифру» (то есть менее 10%)).

Соответственно, на фоне низкого уровня производительности труда в России, относительного низкого уровня доходов населения и острого дефицита на рынке труда, возникшего в силу целого комплекса причин, в том числе долгосрочного характера, преследование установленной сверхжесткой цели по инфляции будет иметь четкие негативные последствия для возможностей структурной перестройки экономики и темпов экономического роста. Установление более высокой цели по инфляции (на уровне 6-8%) могло бы в значительной степени расширить возможности по финансированию структурных изменений в российской экономике.

3. Регулирование на национальном уровне все больше приобретают экстерриториальный характер

Государства все чаще ставят национальную безопасность и устойчивость выше экономической эффективности. Пытаясь добиться поставленных целей, они прибегают к использованию регуляторных норм, имеющих экстерриториальное действие. Эта проблема касается не только введения экономических санкций, но и практики установления государствами норм «ответственного» поведения для собственного бизнеса (в области экологии, соблюдения прав человека и т.д.), которые фактически выходят за пределы юрисдикции этих государств. В настоящее время такие нормы становятся все более серьезной проблемой для собственного бизнеса этих стран. Особенно остро эта проблема ощущается в Европе, из-за таких факторов, как более высокий уровень бюрократизма, более сильное экологическое лобби и более развитое стремление к государственному регулированию по сравнению со США.

На проблему расширения экстерриториального регулирования на форуме обратил внимание представитель немецкой Deutsche Post. По его словам, если Европа и США хотят написать правила, как вести бизнес, то в остальном мире, на который приходится 90% населения, обязательно будут несогласные. Если все страны пойдут по этому пути, то мировую экономику ожидает эскалация регуляторных требований, что не приведет ни к чему хорошему. Очевидно, что западный бизнес хотел бы установления более понятных и

стабильных правил игры на международном рынке, чтобы компаниям не приходилось бесконечно перекраивать свои цепочки поставок. Мировая экономика остается глобализованной, а возможности по переносу производственных мощностей, как показывает опыт затянувшегося строительства заводов по производству полупроводников в США, имеют свои пределы. При этом усиление экстерриториального характера требований может ставить вопрос о необходимости движения в сторону вертикальной интеграции бизнесов.

4. Быстрое развитие технологий и одновременный рост экономической и геополитической напряженности все больше ведут к регуляторному тупику в глобальном масштабе

С одной стороны, развитие новых систем и технологий требуют расширения регулирования (уберизация, криптоэкономика, ИИ и т.д.), по крайней мере в рамках существующих парадигм управления экономикой. Однако на фоне этого расширения все больше нарастает хаос и становится очевидным несоответствие регулирования текущей ситуации:

- законодатели и регуляторы часто просто не успевают за изменениями
- регулирующие органы не имеют достаточных компетенций для эффективной работы – как минимум, уровень их кадрового состава уступает уровню тех, кто работает в этой сфере и готов обходить требования регуляторов
- вводимые регуляторные требования начинают сдерживать прогресс и/или становятся слишком дорогими для реализации, не отвечая в конечном счете потребностям бизнеса и населения.

5. Бесконтрольное расширение санкций только ускоряет распад существующего мирового порядка

Инструмент экономических санкций был впервые принят на международном уровне при создании Лиги наций в 1919 году и закреплен в 16-й статье устава организации, предусматривающей, что в случае обращения к войне любым членом Лиги вопреки положениям Устава, другие члены Лиги «обязуются немедленно расторгнуть с ним все торговые или финансовые отношения». Однако с самого начала практика применения показала ограниченную эффективность этого инструмента. Санкции вводились только против сравнительно небольших стран, таких как Югославия или Греция. В 1935 году Великобритания предложила ввести санкции против Италии, напавшей на Эфиопию, однако, другие страны, прежде всего Германия, отказались их соблюдать. Позднее право введения санкций было также закреплено в уставе ООН. Но в условиях блокового противостояния США или СССР чаще всего блокировали их введение.

В настоящий момент политика санкций на Западе все больше напоминает средневековую инквизицию. Само понятие инквизиции изначально обозначало тип уголовного процесса. В отличие от обвинения (*accusatio*) и доноса (*denunciatio*), когда дело заводилось

в результате, соответственно, открытого обвинения или тайного доноса, в случае *inquisitio* суд сам начинал процесс на основании заведомых подозрений и запрашивал у населения подтверждающую информацию. Получив достаточно сведений, инквизиторы начинали вызывать подозреваемых, которые должны были доказывать свою невиновность (действовала презумпция виновности) – как правило, безуспешно¹. Отличия этого от современной ситуации заключаются разве что в том, что вместо «розыска еретической скверны» основанием политики является угроза «международному порядку, основанному на правилах», которые, однако, формулируются в одностороннем порядке. В конечном итоге фактически бесконтрольное расширение применения санкций приводит к окончательному распаду сложившейся системы международных институтов.

6. Существенная эскалация напряженности между США и Китаем вызывает большие сомнения

На встрече Байдена и Си в Сан-Франциско ухудшение двусторонних отношений США и Китай было «поставлено на паузу». И хотя такая пауза может оказаться «тактической» в преддверии президентских выборов в США, вероятность существенной эскалации напряженности между Китаем и США все же невысока. Китай со своей стороны демонстрирует желание остановить нарастание конфронтации, выступая за продолжение развития взаимовыгодного сотрудничества при сохранении жесткой позиции по основным вопросам (Тайвань, ситуация в Южно-Китайском море, обеспечение собственного технологического и экономического суверенитета).

К нормализации отношений с США Китай подталкивает нестабильность собственной экономики. Исчерпание демографического дивиденда, снижение отдачи от инвестиций в инфраструктуру и накопление долгов регионами, кризис на рынке недвижимости, снижение потребительской уверенности и отток иностранных инвестиций создают высокий уровень неопределенности. Обострение отношений с США и со странами Запада в целом в этих условиях выглядит нежелательным сценарием для Китая, и такой сценарий может стать реальным лишь при значительном усилении давления на Китай со стороны США. В своем выступлении на форуме премьер Госсовета КНР Ли Цян в очередной раз призвал все страны мира к сотрудничеству перед лицом глобальных кризисов. Подобная риторика является стандартной в последнее время для выступлений руководителей КНР перед международной аудиторией.

В этой связи уместно провести параллели между текущей ситуацией в отношениях США и Китая и противостоянием США и Японии в 1980-е годы (см. вставку).

¹ <https://arzamas.academy/mag/956-inquisitio>

Новое – хорошо забытое старое: США не в первый раз прибегают к ограничениям для сохранения лидерства в технологической сфере

Ситуация, сложившаяся к настоящему моменту в сфере полупроводниковой промышленности, со всеми санкциями и ограничениями на поставки продукции, происходит уже не в первый раз. В 1980-х годах США, обеспокоенные быстрыми темпами развития Японии, расширением импорта японских товаров и отказом Японии допускать американские компании на внутренний рынок, стали оказывать давление с целью добиться торговых уступок со стороны японского правительства.

В тот период Япония обогнала США и стала крупнейшим поставщиком микросхем в мире. Японские компании, прежде всего Sony, сделали ставку на использование транзисторов в потребительской электронике и добились существенного прогресса в этой области. Продукция была значительно дешевле американской и быстро захватывала внутренний рынок США. Доминирование Японии в этой сфере вызывало также серьезные опасения США с точки зрения рисков национальной безопасности.

Япония, сильно зависящая в своем экспорте от поставок на американский рынок и связанная с США договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, не была готова идти на обострение отношений со своим ближайшим союзником и пошла на уступки в торговом противостоянии. В 1986 году было заключено Соглашение о полупроводниках между США и Японией. В рамках этого соглашения Япония отказалась от расширения экспорта полупроводников, цены на поставляемую продукцию в США не могли быть ниже установленного предела, американские компании получили возможность увеличить свою долю на японском рынке. Оценки эффективности этого соглашения расходятся, но по крайней мере это показывает, что ограничения являются стандартным инструментом конкурентной борьбы в технологической сфере.

В Китае, рассматривая опыт Японии, делают свои выводы о перспективах противостояния с США. Во-первых, как отмечается, это соперничество носит глубинный характер, затрагивает чувствительные вопросы экономического суверенитета и национальной безопасности, и таким образом, эта проблема не может быть решена в краткосрочной перспективе. Во-вторых, усиление давления со стороны США может рассматриваться как позитивный фактор для Китая, так как создает предпосылки для решения давно назревших структурных проблем в китайской экономике и повышения эффективности. До введения ограничений со стороны США прогресс в области полупроводниковой промышленности в Китае шел довольно медленными темпами, в отрасли было отмечено случаи неэффективного использования и растраты средств господдержки. После введения запрета США на поставки оборудования развитие полупроводниковой промышленности стало жизненно важным вопросом для Китая.

7. Международные компании будут перестраивать свои производственные цепочки, прежде всего по соображениям экономической безопасности и стабильности поставок, что приведет к росту издержек производства, увеличению потребностей в инвестировании и смене бизнес-моделей.

Если раньше выбор места размещения промышленного производства был прежде всего связан с экономической эффективностью (рентабельностью, уровнем издержек, возможностью экономии на масштабе и т.д.), то сейчас размещение производства делается прежде всего исходя из стабильности и экономической безопасности: снижения политических рисков, недопущения высокой импортной зависимости. Начало такой реструктуризации производственных цепочек – это замена поставщиков из экономик с высокими рисками на поставщиков из «дружественных» стран (т.н. «френдшоринг»). Необходимость такой реструктуризации обусловлена не только стремлением самих компаний к минимизации политических, логистических и иных рисков, но и требованиями со стороны органов госуправления.

Реструктуризация производственных цепочек и новые требования к работе с поставщиками вызывают рост издержек производства (не только за счет переноса производств и смены логистических маршрутов, но и сокращения объемов выпуска и утрате возможностей экономии на масштабе, невозможности работы с поставщиками, которые не относятся к «дружественным» странам и т.д.). Одновременно это создает стимул к переходу на технологии, позволяющие отказаться от сырья или иных факторов производства из «недружественных» юрисдикций. Происходит смена бизнес-модели для многих компаний: от ориентации на операционные издержки (opex-based model) идет переход к ориентации на капитальные затраты (capex-based model), поскольку перенос производств часто сопряжен с необходимостью создания недостающей инфраструктуры и иных инвестиционных расходов.

Для российской экономики это означает серьезные вызовы. Для российских компаний, которые уже стали частью международных производственных цепочек, повышается вероятность не просто временного исключения из них на период санкционного противостояния, но и невозможности вернуться в прежнем качестве в эти цепочки даже после урегулирования геополитических проблем. Причина этого в том, что перемещение производственных цепочек часто предполагает не только географический, но и технологический сдвиг: переход на более высокий технологический уровень. Критически важным для российского бизнеса является отслеживание технологических изменений и поиск доступа к ним вопреки существующим ограничениям.

В целом для российской экономики все это означает необходимость ускоренной структурной трансформации – замещения поставок сырья и продукции низких переделов на поставки продуктов глубокой переработки, поскольку уже в среднесрочной перспективе высока вероятность существенного ограничения возможностей ее экспорта. При этом в условиях недостаточной емкости внутреннего рынка критически важным становится развитие экспорта продукции высоких переделов в «дружественные» страны и развития соответствующей транспортно-логистической и таможенной инфраструктуры. Это касается развития транспортных коридоров (таких как Транссибирская магистраль, МТК «Север-Юг», Северный морской путь), модернизации таможенных пунктов пропуска на границах с дружественными странами, упрощения таможенных процедур.

8. В ведущих экономиках происходит «возрождение» промышленной политики, однако в условиях гонки в введении таких мер это приводит к возрастанию издержек для всех. Растет интерес к планированию развития ключевых отраслей экономики, что порождает риски бюрократизации экономической политики и избыточного расширения государственного вмешательства в экономику.

В рамках новой промышленной политики в США и странах ЕС происходит активное направление средств в развитие передовых технологий, таких как производство чипов, развитие технологий искусственного интеллекта и др. Ряд мер промышленной политики одновременно выступает и инструментом сдерживания развития «недружественных» стран, когда, например, условием получения поддержки является выполнение требований о происхождении определенной части сырья и материалов из «дружественных» юрисдикций.

Наличие стимулов и ограничений, вводимых разными странами без какой-либо координации друг с другом, порождает ситуацию, когда международные компании постоянно сталкиваются с все новыми ограничениями, при этом ни одна из ведущих экономик не имеет явного лидерства по привлекательности условий ведения бизнеса. Для государства продолжающаяся «гонка» промышленной политики приводит к нарастанию издержек. В этой связи в западных экономиках повышается интерес к стратегическому планированию развития ключевых отраслей (например, по опыту Китая), поскольку планирование позволило бы оптимизировать такие затраты. Учитывая задачи по обеспечению экономической безопасности, продолжением этих тенденций станет формирование вертикально интегрированных компаний, контролирующих производство ключевых видов продукции и применяющих передовые технологии.

Вместе с тем, формирование таких компаний в условиях отсутствия полноценной конкуренции с компаниями из других стран порождает риски падения их экономической эффективности, а в ряде случаев – появлению безответственного поведения со стороны «вскормленных» государством компаний (проблема «too big to fail»). При этом расширение государственного вмешательства в развитие промышленности усиливает риски бюрократизации промышленной политики, тормозящей инвестиционные процессы.

Для российской экономики эти тенденции показывают необходимость проведения гибкой промышленной политики, которая, с одной стороны, предоставляет для бизнеса стимулы к разработке и распространению новых технологий, но с другой стороны, сохраняет возможности для взаимодействия с инвесторами и иными партнерами из других стран, готовыми принести современные технологии в Россию, и поддерживает конкурентную среду бизнеса.

9. Несмотря на усиление «гонки» в области искусственного интеллекта (ИИ), нет четкого понимания его перспектив, последствий его внедрения, а также ясности в вопросах регулирования

Одной из центральных тем форума являлось развитие ИИ, эффект от которого сравнивают с изобретением в свое время парового двигателя. Предполагается, что абсолютно любая сфера жизни будет затронута ИИ, а *успех стран/компаний в его развитии и внедрении будет определять и их конкурентоспособность, устойчивость, даже являться фактором выживания*. При этом сейчас наиболее важно даже не то, кто изобретет и представит более совершенную технологию, а то, кто наиболее оперативно и грамотно воспользуется ею.

ИИ является базисом для инноваций, ускоряет цифровизацию, делая ее необходимостью, а не просто перспективной самостоятельной повесткой. Особенно большой потенциал развития ИИ видится в оперативном исследовании природно-климатических явлений, здравоохранении, образовании, финансовой и банковской сферах. Однако на передний план выдвигается и военный аспект – от масштабов внедрения ИИ будут зависеть ход и скорость военных действий. С учетом перехода на военные рельсы многих экономик мира интеграция ИИ будет важнейшим элементом современного вооружения.

Глобальной стратегии контроля и регулирования использования ИИ не существует, как нет ее и на уровне отдельных стран. Однако вместо движения к согласованному многостороннему подходу, регулирование ИИ может стать еще одним фактором поляризации стран. Фактически, открыта своего рода «гонка» за ИИ, и ее участники хотя и декларируют важность юридических и моральных ограничений, «красных линий», единых правил игры и определения ответственности, однако на деле это все отступает на второй план, а в основе пока находится необходимость сохранения свободы для развития технологии. На настоящий момент есть определенная коммуникация между ЕС и США в вопросах регулирования ИИ, однако даже эти два союзных блока пока разрабатывают законодательство самостоятельно. При этом уже намечаются противоречия с регулированием ИИ, разрабатываемым Китаем (например, западные участники утверждают, что КНР в законодательных нормах допускает использование ИИ для контроля за населением). Соответственно, формулируются предположения, что в будущем может произойти поляризация стран как с точки зрения отношения к самому ИИ, так и к принципам его регулирования.

Вопрос о доступности технологий ИИ становится одним из ключевых. Большинство участников форума привержены мнению, что платформы должны быть открыты, ИИ не должен стать привилегией крупных стран или компаний. Урсула фон дер Ляйен заявила, что сейчас ЕС готовит законодательство, которое обеспечит доступ европейских стартапов и бизнесов к суперкомпьютерам для обучения, разработок и проведения тестов.

В то же время явно прослеживаются риски внедрения ИИ:

- Рост издержек на противодействие киберпреступности, дезинформации, вмешательству в выборы и т.д.
- Усугубление межстранового неравенства, нарастание разрыва в уровне развития стран
- Усиление социального неравенства в связи с тем, что многие лишатся работы. По оценкам, распространение технологий ИИ окажет влияние на 40% мировой рабочей силы, при этом половина из них благодаря ИИ повысит свою производительность, а

другая половина пострадает. Для учета этих рисков в США сейчас при разработке законодательства в области ИИ привлекают к законотворчеству крупные компании (такие как Microsoft) и профсоюзы.

- Этические вопросы, конфиденциальность данных. Возникает дилемма – с одной стороны, нужно повышать безопасность данных, но с другой стороны, без их раскрытия невозможно развитие ИИ.

10. Продолжающийся энергопереход и усилия по предотвращению изменения климата приведут к росту спроса на «чистые» и переработанные материалы, повышению цен во всем мире, а также расширению потребностей в низкоуглеродной энергии и притоку инвестиций в «чистую» энергию в странах «глобального Юга»

В рамках дискуссий об энергопереходе и изменении климата можно отметить следующие тенденции:

- Энергопереход и борьба с изменением климата требуют доступности капитала. По заявлению экономиста Николаса Стерна, «чистые» технологии могут привести к экономическим преимуществам при стоимости капитала в 7-8%, но не 20-25%.
- Политика энергоперехода будет способствовать росту цен в мире. По оценкам, себестоимость «зеленой» стали, например, на 25% выше. Внедрение механизмов платы за выбросы CO₂ также будет приводить к росту цен на различные виды продукции.
- Вопрос энергоперехода требует более взвешенного подхода при выборе источников энергии будущего, однако пока такой подход разделяют лишь отдельные страны. Диверсифицированный подход к энергопереходу с повышением роли атомной, газовой и гидроэнергетики мог бы позволить совершить его быстрее и с меньшими затратами. Однако основной упор в дискуссиях пока делается на альтернативную энергетику. Лишь отдельные страны высказались в поддержку традиционных низкоуглеродных источников энергии. В частности, примечательна корейская инициатива углеродно-нейтральной энергетики (Carbon Free Energy Initiative) для достижения углеродной нейтральности Тихоокеанского региона, которая должна объединить все виды чистой энергии: водородную, атомную, возобновляемую энергетику и новые источники энергии.
- Энергопереход повышает спрос на материалы, прежде всего, металлы (как новые, такие как литий, так и традиционные, такие как алюминий или медь), в том числе переработанные. Например, в Китае к 2042 г. переработанное сырье может полностью заменить новое при производстве батарей. В рамках форума звучали инициативы о развитии систем сертификации переработанного сырья для учета в цепочках поставок.
- В рамках ВЭФ было объявлено создание нового альянса по мобилизации инвестиций в чистую энергетику для стран «глобального Юга» (The Network to Mobilize Clean Energy Investment for the Global South). Альянс состоит из более чем 20 руководителей и министров правительств, в том числе из Колумбии, Египта, Индии, Японии, Малайзии, Марокко, Намибии, Нигерии, Норвегии, Кении и Южной Африки.

Для России данные тенденции в области климатической политики могут означать:

- Возможность продвижения российских традиционных низкоуглеродных энергоресурсов (природного газа, ядерного топлива и технологий ядерной энергетики, технологий гидроэнергетики) в тех странах, которые в них заинтересованы.
- Перспективы развития производств новых «чистых» материалов на основе углеродно-нейтральных источников энергии, а также переработанных материалов. Перспективным может быть также привлечение иностранных инвесторов в проекты создания углеродно-нейтральных энергоемких производств в России.
- Важность ведения политики максимального сдерживания цен на энергоресурсы в России. Учитывая рост издержек зарубежных производств в условиях энергоперехода, Россия должна сделать доступность энергии важнейшим конкурентным преимуществом.
- Важность продвижения своего потенциала низкоуглеродной экономики на мировой арене в сложившихся условиях. В рамках форума в числе будущих лидеров «чистой энергетики» назывались, прежде всего, Китай, а также Индия или, например, Бразилия. Россия также должна формировать образ низкоуглеродной экономики для продвижения российской продукции на мировых рынках и привлечения иностранных инвесторов.
- Возможность интеграции в мировую экономическую повестку через активную работу в рамках климатических объединений. Международные инициативы в области энергоперехода представляют интерес для России в целях поддержания экономических и бизнес-связей.

11. Несмотря на цифровизацию, повышение автоматизации и развитие технологий ИИ, ситуация на рынке труда становится все более острой в глобальном масштабе, и способность решать эту проблему будет иметь принципиальное значение для возможностей развития экономики

В мировой экономике одновременно формируется сразу несколько тенденций, связанных с функционированием рынка труда.

Во-первых, это дефицит рабочей силы, особенно в развитых странах, как одно из существенных ограничений экономического роста. Это дефицит связан не только с демографическими тенденциями, но и со структурными проблемами в экономике. В частности, из-за недостаточного развития социальной сферы часть потенциальных работников выбирает экономическую неактивность и уходит с рынка труда.

Например, есть «поколение сэндвич» – это мужчины и женщины среднего возраста (45-65 лет), которые вынуждены одновременно заботиться и о взрослеющих детях, и о пожилых родителях. Часто эти люди прекращают работать из-за того, что им не удается совмещать занятость с выполнением семейных обязанностей. Здесь должна приходиться на помощь социальная сфера, но там из-за низких зарплат и большой нагрузки тоже не хватает работников (учителей, воспитателей, нянь, медперсонала, соцработников). При этом,

например, 1 сотрудник в детском саду позволяет работать 7 людям (родителям этих детей) в других профессиях.

Во-вторых, это вопрос соответствия навыков работников запросам современного рынка труда. В ближайшие годы на изменения в занятости будут влиять, с одной стороны, общие факторы экономического развития, связанные с фрагментацией мировой экономики и переносом промышленных производств в другие страны. С другой стороны, важными окажутся технологические сдвиги: «зеленый переход» и внедрение цифровизации и других современных технологий, включая ИИ, что приведет к автоматизации до 43% рабочих задач.

В связи с этими изменениями возникает необходимость увеличивать расходы на обучение и переобучение персонала. Сейчас только 0,5% мирового ВВП идет на непрерывное обучение взрослых в течение жизни (lifelong learning), и этого явно недостаточно. При этом важно учитывать целый комплекс вопросов: неравенство в доступе к качественному образованию, форматы взаимодействия государства и бизнеса на этапе разработки программ и их финансирования, формирование в обществе культуры осознанных инвестиций в своё образование и обучение.

Все эти процессы будут явным образом затрагивать и российский рынок труда, о дефиците кадров на котором заявляют до 85% работодателей. При этом дополнительные сложности будут возникать из-за масштабов страны и неравномерного регионального развития.

Для России актуальна проблема низких зарплат работников соцсферы в большинстве регионов, что приводит к нехватке сотрудников и ухудшению качества оказываемых услуг. Так, в 40% школ есть незакрытые вакансии учителей, причем наиболее востребованы преподаватели математики и физики. Оставшиеся учителя вынуждены брать на себя дополнительную нагрузку, что сказывается на качестве учебного процесса и перекладывает на семью существенную часть обязанностей по обучению детей.

В среднесрочной перспективе проблемы школьного образования выливаются в дисбаланс на рынке труда, где ощущается, в частности, острая нехватка инженерно-технических специалистов из-за отсутствия базы, которая должна закладываться еще в школе и ранее, на этапе дошкольного образования. Кроме того, недостаток базового образования негативно сказывается в будущем на гибкости работников в плане их способностей к переобучению и адаптации к меняющимся условиям.

12. Актуальным становится вопрос о подготовке на страновом и глобальном уровне к возможной следующей пандемии («болезнь X»), которая может оказаться еще более смертоносной, чем COVID-19.

Выделяются следующие основные направления работы:

Первичное звено здравоохранения, профилактика и равный доступ к медпомощи. Ключевым моментом является развитие и усиление первичного звена здравоохранения, в том числе его кадрового потенциала. При этом цифровизация и искусственный интеллект должны стать подспорьем в условиях нехватки персонала. Для снижения затрат на госпитализацию

и лечение, акцент должен делаться на профилактике заболеваний. В этой связи возрастает роль местных медицинских работников (community health workers), которые должны вести разъяснительную работу с населением. Также важной является связь между здравоохранением и соцзащитой населения, поскольку сохраняется неравенство в доступе к качественной медицинской помощи.

Увеличение расходов на здравоохранение как стимул для экономического роста. Понятно, что развитие здравоохранения с учетом возможной новой пандемии требует дополнительных бюджетных расходов. Однако здоровье населения нужно рассматривать как стратегический ресурс страны, в то время как бремя болезней – это тормоз для экономического роста. К тому же расходовать нужно не просто больше, а умнее, с оглядкой на эффективность расходов.

Развитие R&D и их практическая реализация. Для противостояния возможной «болезни X» нужно уже сейчас укреплять связи между наукой, технологиями, инновациями и принятием решений в сфере здравоохранения. Увеличение инвестиций в R&D должно происходить с учетом неравенства стран. В этой связи важно обеспечить трансфер знаний, технологий и перенос производства в менее развитые страны.

Базы данных в сфере здравоохранения. Для анализа ситуации и принятия управленческих решений нужно создавать и развивать интегрированные базы данных в здравоохранении (пример Бразилии). Это позволит более обоснованно и гибко реагировать на вызовы в условиях новой пандемии.

Объединение усилий государства и бизнеса, а также международная кооперация. Для быстрого ответа на возможную пандемию нужно уже сейчас развивать сотрудничество государственного и частного сектора (PPP) в исследованиях и разработках, в производстве вакцин, оборудования и расходных материалов. Кроме того, нужна мобилизация цепочек поставок в глобальном масштабе. Характерно, например, что в период «холодной войны» во второй половине 1950-х годов советское государство разработало совместно с американскими учёными эффективную вакцину против полиомиелита.

Все указанные направления работы актуальны для России как вне пандемии, так и при её возможном наступлении. По оценке ЦЭМИ РАН, ежегодные потери российской экономики от преждевременной смертности населения от заболеваний и внешних причин составляют 10-15% ВВП. При этом расходы федерального бюджета на модернизацию первичного звена (поликлиники, фельдшерско-акушерские пункты) сократятся на 9,3% в 2024 году и на 8,8% в 2025 году по сравнению с планами, заложенными в предыдущем законе о бюджете. Кроме того, реализуемая сейчас политика централизации в сфере здравоохранения снижает доступность медпомощи, особенно в сельской местности. Вместе с тем, именно гибкость на разных уровнях системы дает больше возможностей для ответа на будущие угрозы.